

Станислав Федотов

Станислав Петрович Федотов – член Союза писателей СССР с 1973 года. По высшему образованию физик-радиоэлектроник (Томский университет). Работал на оборонных предприятиях, учился в аспирантуре, писал стихи и пьесы. Публиковался в журналах и альманахах. Путёвку в большую литературу получил от Ярослава Смелякова и Егора Исаева. Первая книжка стихов – 1965 год, первая постановка пьесы – 1976-й (Томск). Автор 12 книг стихов, 2 романов, 1 повести, книги драматургии. Лауреат международных премий – им. В. Пикуля и «Рукопожатие». Награждён знаком Минкульта РФ «За достижения в культуре», медалью Ивана Бунина «За верное служение русской литературе», медалью «За вклад в литературу России XXI века», медалью «За заслуги перед городом» (Томск).

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Лирический репортаж

1.

Мне подарил её Александр Шумилкин, народный художник республики. Для нашей небольшой комнаты картина была великовата, но я всё же повесил её так, чтобы при входе она сразу открывалась глазам. На полотне была осень – на крутом яру над зеркальным плёсом золотились берёзы и рдели осины. А на переднем плане стояли и лежали чёрные остовы деревьев и холмики песка покрывал сероватый снег. Это я тогда подумал: снег – и только потом понял, что это – пепел...

Спасибо, Саша, за подарок.
Он страшен,
Твой «Сгоревший лес»!
Пожар,
безумствующе жарок,
Не преступил воды урез.
Ушёл...
А с ним ушло и лето.
Остались сполохи беды –
Деревьев чёрные скелеты
У чёрной мертвенной воды.

Пожар ушёл, но яр высокий,
Волной взлетевший к небесам,
Огня сжигающие соки
Впитал
И полыхает сам.
Цвета безжалостно сминая,
Застывшим пламенем слепя,
Горит,
Кого-то обвиняя...
Быть может, нас?
Меня?

Тебя?

Да что считается –
Всех, пожалуй
(кто даже мух не обижал!), –
За все прошедшие пожары,
За каждый
будущий пожар.

...Вина,
Она неотвратима!
По крайней мере, для меня:
Как часто проходил я мимо
Опасно тлевшего огня.
Он, зачинавшийся несильно,
Когда вокруг – бездумья сушь,
Сулил не гибель древесины –
Утрату человеческих душ.
Могло движенье или слово
Унять,
Утишить,
Уберечь... –
Но – мимо!

И пылала злоба!
И горе рвало чью-то речь!
И подлость не щадила старых!
И поднималась ложь в цене!..

Спасибо, Саша, за подарок:
Он не даёт покоя мне.

2.

– Салманов... Салманов... Клешнин вызывает Салманова...

– Салманова нет, Коля. Вертопрахов на связи.

Что, пожар?

– Запиши, Борис: квадрат 241, верховья Лисицы.

– Большой?

– Пока два-три гектара. Низовой.

– Записал. Салманов летит, будет минут через двадцать. Решим, что делать. Людей нет, все на пожарах. Осталось человек пять...

Как цветущая сарана,
Гроздь радиоантенн.
Лесоавиаохрана –
Три клетушки,
Десять стен.

В сборной – главной комнатухе –
Печь да скамьи (можно спать),
Стол тесовый,
доминушки,
Чтобы время коротать.
Бак с водою в уголочке...
У радиста за стеной,
Как пожара отголоски –
Треск эфира,
свист и вой.

У начальства в кабинете
(площадь – два на три шага)
В закодированной сети
Подопечная тайга.
Топи, дебри – жуть несмелым!
Территория – не люкс,
Но такая по размерам –
Спрятать можно БеНиЛюкс.

Сколько ж надобно народу,
Чтобы, сроки сжав в горсти,
Эту дикую природу
От напасти унести!
Здесь труды – не для хорала.
Туш не взбадривает глушь.

Лесоавиаохрана –
Сорок пять – всего-то! – душ!
Сорок пять!
(А надо б – триста.
Из деревьев, что ль, тесать?!)
Двадцать два парашютиста,
Два летнаба и – десант.

А пожары, а пожары
Чуть не всю тайгу пожрали.
Людам отдыха – ни дня:
Все – на линии огня.

Что останется потомку?
Где-то вновь дымится бор,
И последнюю пятёрку
Вертолёт берёт на борт.
Хоть меня и робость гложет,
Я прошусь, её гоня:
– Я ведь должен... с вами тоже...
Быть на линии огня.

Слышу речь свою чужую:
– Коль на базе просижу,
Разве правду напишу я?
Правду разве расскажу?
(Боже мой! Кольнуло жалом:
Сколько раз – не сосчитать! –
Не лицом к лицу с пожаром
Правду
я не смог сказать.

Трезво, не сжигая моста –
Грош цена, когда в гульбе, –
Причиняя беспокойство
И начальству, и себе.
Объяснение простое
Находил, махнув рукой:
В стенку биться лбом не стоит,
Разве я один такой?)

И сказал летнаб неспешно:
– Да, от правды вам, конечно,
Уклоняться не к лицу.
Собирайтесь!
Я лечу?!

Я – лечу!!!
Мороз по коже:
То восторг знобит, пьяня.
Я лечу!
Я должен тоже
Быть на линии огня.

СПИСОК на вертолёт Ми-4 № 66890

Белый Яр – верховья р. Лисица

1. Гатаев
2. Коркин Л.
3. Коркин П.
4. Иванов
5. Терентьев
6. Федотов

Ст. летнаб Салманов.

Вертолёт раздулся: он набит битком.
(Нас за перегрузку лётчики честили.)
Врезываясь в север нимбом-ободком,
Тарахтит архангел типа Ми-4.

Воздух сизо-жёлтый, как плохой портвейн.
Духота струится, иссушая тело.
Но летнаб Салманов достаёт портфель:
При любой погоде «состоится дело».

Стар брезент портфеля: с края – бахромит,
Ремешки-застёжки не сильны здоровьем...
Но из пластилина штампик хоронит
То, чего не должно ведать посторонним.

Вдруг да разудалый сыщется мастак
До чужих секретов – уследи за ним-ка...
А в портфеле – карты, и такой масштаб,
Что видна без лупы каждая заимка.
Их из рук, наверно, выпускать нельзя,
А смотреть – с оглядкой:
Не подкрался ль ворог...

Говорит Салманов:
– Есть у них изъян:
Съёмка устарела лет почти на сорок.
И теперь под нами многое не так:
Изменились реки,
Вся-то жизнь лесная...
И цена тем картам – красная! – пятак,
А другие будут, скоро ли – не знаю.

Лётчик-наблюдатель вновь к листам приник,
На таблице сложной что-то вычисляя...

Будто на пожар,
Мы мчались напрямик.
На пожар –
и вправду! –
Мать моя честная!
Над землёй, которой знать никто не мог,
О которой даже устарели слухи!..

Где горит – пилоты целят на дымок.
Если много дыму – уповай на случай.
Есть шестое чувство – по нему следи.
Если заблудился – ничего, мужайся...

Но когда *такое* не с тайгой – с людьми,
К их беде дорогу не найти – ужасно!

4.

Десантники сняли энцефалитки, рубахи и сидят обнажённые по поясу, расслабившись перед будущей тяжёлой работой.

Они чертовски красивы, мои новые неожиданные товарищи!

Старший десантник Яша Гатаев (его ещё называют Янисом, а по-настоящему он – Ягфар), высокий девятнадцатилетний татарин из Бузулука, устроившись на рюкзаках, уткнулся в книжку. Он по-юношески угловат, стеснителен, оторванный от родного дома, видимо, скучает по нему, и товарищи относятся к Яше ласково, заботливо.

Коренной белоярец Слава Иванов, белоголовый, весь какой-то подобранный, подтянутый, чувствует себя совершенно свободно. И то сказать: сколько за семь лет он совершил этих полётов-бросков на пожары, чего волноваться!

Дядька и племянник Коркины – полная противоположность друг другу. Петя (Петька – назвался он при знакомстве) тяжеловат, кряжист, молчалив. Леша лёгок, даже изящен, поговорить не прочь, пошутить над Петей. Оба молоды, и не поймёшь, кто из них кто. «Мы и сами не разберёмся», – смеются Коркины.

По-особому красив пожилой уже Терентьев Афанасий Ефимович, дядя Афоня, как называет его молодёжь – сухой, поджарый, с тёмным, как будто основательно прокопчённым лицом, изрубленным глубокими морщинами. Он по-отечески опекает ребят и весь как-то светлеет, разговаривая с ними.

Разные они и чем-то схожи. Может быть, внутренней сосредоточенностью, укрытой внешним спокойствием. И так же, как они, спокойно сосредоточен старший летнаб Салманов Владимир Матвеевич, тоже молодой – чуть больше тридцати, – высокий светлицый и светловолосый человек с негромким уверенным голосом и мягкой хитровой улыбкой. Он – наш начальник. Он посадит нас на пожаре, даст указания и улетит – проверять старые пожарища, засекаать новые очаги. И до самого конца он будет отвечать за все наши действия, за каждого из нас.

Раньше я в кино пожары видел:
Так пылало – плавился металл!
Но почти всегда, из зала выйдя,
Я про них мгновенно забывал.

Отчуждённость правды той, экранной,
Не когтила сердце: «Помоги!»

... Тут пожар – кровотокающей раной
На груди беспомощной тайги.
Дымно-красным кровь кипит фонтаном
И ползёт, распространяя боль...

Даже с высоты, из-под винта нам
Страшно эту увидеть юдоль.
(А потом десятилетия шрамы
Будут зарастать – быстрой невмочь!
И бессильна в этом им помочь
«Неотложка» авиаохраны.)
Мы кружим над раной.
Диагноз
Ставим, чтоб решать наверняка...

Раньше думал: зверь – тайга!
Ты ж – агнец
Перед поджигателем, тайга.
На него тебе бы обозлиться,
Закружить,
В болоте утопить...

Кто он,
Безымянный и безлицый,
Жизнь не научившийся любить?
Тот,
Кому свой край родной не дорог, –
Кто такой?
Рыбак?
Турист?
Геолог?
Молод?
Сединою убелён?
Пусть твердит, что в Родину влюблён,
Он – её предатель, злобный ворог
И убийца беззащитных – ОН!!!

Из газет: статистика показывает, что девять из десяти лесных пожаров происходит по вине человека.

5.

Нас высадили на болоте, километрах в двух от пожара – ближе не было безопасной площадки. Увязая почти по колена в мутно-коричневой

жиже, путаясь в прошлогодней и молодой осоке, мы таскали на сухое место своё снаряжение. Лётчики и Салманов выбрасывали его из чрева ревущей машины прямо в наши руки – рюкзаки, спальники, ведра, лопаты... Скорей, скорей! – пока колёса вертолёта не успели погрузиться в болото полностью.

Всё! Салманов послал нам воздушное рукопожатие, дверца захлопнулась, и тёмно-зелёный металлический головастик умчался наискось вверх, в дымное небо.

Мы оставили Яшу оборудовать стан и, захватив лопаты и эрлоушки (так десантники называют РЛО – ранцевые лесные опрыскиватели), двинулись на разведку.

Мы шли по янтарному бору
В немыслимой той тишине,
Какая, наверно, бывает
На фронте предвестьем боёв.

Как порох,
Сухой беломошник
Скрипел под резиной подошв,
Но некого было тем скрипом
В бору помертвевшем спугнуть.

Оставлены птицами гнёзда,
И горенки белок пусты,
И шишку догрызть не успевший
Куда-то исчез бурундук.

Вскопычена лосями грива –
Ристалище битв за любовь,
Но нет победителей гордых
И нет побеждённых нигде.

... Оранжево солнце дымилось.
Сгущавшийся воздух синел.
И вихри, как сизые вспышки,
Слетали с размашистых рук.

Мы шли впятером на разведку.
Мы были вооружены:
У нас две лопаты-штыковки
И два РЛО – без воды.

Я думал: ну кто мы такие –
Титаны иль боги? –
Увы!

Взялись извержение вулкана
Лопатками остановить.

Есть грозное где-то оружие:
 Взрывчатка и мотоплуги,
 Летающие цистерны,
 Кассеты химических бомб.
 Есть танки пожарные,
 Пушки,
 Стреляющие водой...
 Нас – пять!
 И поблизости нету
 На сто километров людей.

...Он двигался, цепко хватаясь
 За мох, за траву, за стволы,
 И тысячью пастей зубастых
 Прожёвывал с хрустом тайгу.

За ним оставался крошечный,
 Пропитанный пламенем ад.
 Там стоны ворочались тяжко.
 Там землю удары трясли.
 То падали наземь деревья,
 Чьё сердце не вынесло мук.
 Мир гибнул там, точно такой же,
 Как этот, за нашей спиной.
 Безмерно могучий и слабый,
 Покинутый всеми, он ждал
 Великого чуда – спасенья...

И с ходу мы ринулись в бой.
 Мы глотку врагу засыпали
 Песком,
 Мы топтали его,
 Ветвями хлестали по жадным
 Размноженным злом языкам.
 Мы плакали потом горячим,
 Мы дымом дышали хрипя.
 И было невмочь размахнуться,
 Чтоб снова удар нанести.
 Воды бы!
 Но речка Лисица
 Свильнула куда-то хитро,
 И две эрлоушки без пользы
 Валялись в тылу под сосной.
 И дядя Афоня промолвил,
 Закончив скупой перекур,
 Что нужен, мол, «главный пожарник»,
 Не справимся, мол, без дождя.

Не сможем!
 Нас пятеро только
 На тысячу метров огня!..
 Но мы поднимаемся снова –
 Свой долг человеческий отдать.

– Слава, что тебя привело к пожарным?

Слава Иванов, прикуривая, поднимает на меня недоумевающие глаза, потом, поняв, усмехается:

– Не деньги. Я в другом месте больше бы заработал. Романтика? Кто её знает... Просто – интересно.

– Что с ним-то будем делать? – басит Петя Коркин, кивая на копошащийся в нескольких метрах от нас огонь.

– В шмарник его надо загнать, – Слава жадно затягивается папиросой. – Тушить, конечно, трудней, зато ночью приостановится, а утром пораньше, часиков в шесть, перехватим.

Афанасий Ефимович поясняет мне:

– Шмарник, вон он – мелколесье разное: осина, берёза, хвойники... А понизу – мох, черничник, багульник. Этот здорово горит – смолистый! Ну и гниль разная, колодник...

– А ночью почему пригасает? – интересуюсь я.

– Дак роса, холодный воздух придавливают... Бывает, вообще остановится, тлеет, а чуть солнце пригрело – пошёл пластать!

– Минполосу надо делать и встречный пускать, – подаёт свой голос Лёша Коркин.

Я уже знаю, что минполоса – это минерализованная полоса, то есть линия очищенной от мха земли. За неё не проникает низовой пожар. И от неё пускают встречный огонь, чтобы остановить основной...

Мы всё же отступили, чтоб успеть
 Минполосу надёжней проложить.
 Деревьев сотню отдали на смерть,
 Чтоб тысячи других остались жить.
 Тактический приём не так уж плох,
 Коль враг почти в тиски тебя зажал...

Расшвыривал я сапогами мох,
 А кедрики до слёз мне было жаль.
 Доверчиво-лохматой малышней,
 Толпясь, они глазели на меня...
 А к ним уже за дымною клешней
 Тянулася жгуче-красная клешня.

В сравнении неправ я, может быть,
 Но мне казалось:
 Так же на солдат,
 Отдавших часть земли,
 Чтоб победить,
 Глаза детей
 Оставленных
 Глядят.

От сил моих, от выдержки моей
Зависело, как ляжет полоса,
И сколько я смогу спасти детей,
И скольким я смогу смотреть в глаза.
Десантники, товарищи, друзья,
Выдавшие стократ оскал огня,
Мне показалось, что вас понял я,
А вы, уверен, поняли меня.

...Песчаную сверкая белизной,
От шарника сбежала под уклон
Минполоса,
И ей народ лесной
Был на живых и мёртвых поделён.
Вот Слава чиркнул спичкой и поднёс
К сухой траве несмелый огонёк,
А через миг
Свирепый рыжий пёс
К пожарищу со всех помчался ног.
За ним – другие...

Сосенок семья,
Почувяв жара бешеный нажим,
Вдруг заметалась:
«Помоги, земля!
Пусти!..
Ещё не поздно!..
Убежим!..»
Нет, поздно!
Два потока огневых
Схлестнулись,
и – взлетел ревуший столб!
И вместо сосен,
тоненьких,
живых –
Скопление многоярусных крестов.
Да, не бывает всё-таки чудес.
Прости, тайга,
что мы не сберегли...

Недаром с полотна
сгоревший лес
Кричит об этом
людям всей земли.

7.

Мы остановили пожар почти на полуто-
ра километрах по беломошнику, а весь второй
день сражались с ним в шарнике. На стане по-
прежнему орудовал Яша. Он очень хотел быть
с нами, но по общему решению остался.

Часа в четыре прилетел Ми-8, высадил на
флангах ещё семнадцать человек – десантников
и мобилизованных из населения. Часть мобили-

зованных разбрелась по тайге и долго блуждала,
ругаясь и аукая.

– Толку от них, – сплёвывает дядя Афоня. –
Сидят и пьют. «Вам, – говорят, – за тушение пла-
тят, вот и вкалывайте, а мы на средне-сдельной».
Не все, конечно, но есть ещё сволочи!

А в двух шагах дымится горельник, в глу-
бине его пламя неторопливо, с жутковатой де-
ловитостью догрызает пни. Выгорело гектаров
сто-полтора, а не два-три, как предполагалось
вначале.

– Занижают площади пожаров, – говорят де-
сантники.

– Почему?

На меня смотрят, как на маленького.

– С одной стороны, по головке не поглядят,
коли много выгорит, с другой – премии у нас в за-
висимости от площади. Вот и смекай.

Они говорят об этом незлобиво, даже
снисходительно-понимающе, а я думаю, что за
спиной у каждого из них по пятнадцать-двадцать
пожаров за сезон, работа без праздников и выход-
ных. («Дожди – самые наши праздники», – улы-
бается Яша Гагаев.)

Им занижают цифры, чтобы меньше платить.
Тоже экономия! А кто-нибудь, хотя бы ради лю-
бопытства, посчитал, сколько каждый из этих
людей – летнабов, десантников, парашютистов –
и какой ценой спас прекрасного леса! И сколько
ещё спасёт!

Окончен трудный бой.

На передышки

Отводятся часы и на войне...

По линии огня ползут дымишки:

Колоды тихо тлеют в глубине.

Они коварны по своей природе:

Пожар потушен –

тишь и благодать,

Но прячется огонь в гнилой колоде –

Момента ждёт,

чтоб вырваться опять.

Вернулись птицы, угнанные страхом.

Но на минуту бдительность умерь –

Воспрянет он,

безумствующий зверь,

И мир цветущий обернётся прахом.

...Взгляни-ка:

Вот уже он, мал и скорчен,

Мелькнул в траве, неслышно семеня,

Напоминая нам,

что бой не кончен

И надо быть на линии огня.